

Внимание!

Наш ежемесячник “День литературы” дополнился журналом. Накануне своего 20-летия газета “День литературы” выпустила уже второе “толстое” приложение – журнал “День литературы”. Планируется выпустить новый номер журнала раз в квартал.

Каким нам видится это новое издание? Логично предположить, что журнал, возникший как приложение к ежемесячной литературной газете, унаследует её дух и традиции. Конечно же, очищенный от “злобы дня” и того публицистического задора, что всегда отличали “День литературы” в ряду других литературных изданий.

Но не только. Журнал “День литературы” делает сознательную ставку на Большую русскую прозу: романы, повести, новеллы. То, в чём мы можем сегодня увидеть и понять наше время; то, что, собственно, и останется от нашего времени. Отсюда принцип: один журнал – один роман (повесть, несколько рассказов).

Разумеется, журнал “День литературы” не откажется от последовательной и неизменной позиции издания на протяжении 20 лет, и вслед за газетой готов манифестировать: это журнал русских писателей. Поэтому обсуждение “национальной идеи” России и судеб русского народа – будет по-прежнему ярко и целенаправленно освещаться на его страницах.

Следующим, но не менее важным, мы считаем обязательное присутствие на страницах “ДЛ” современной литературной критики, и сделаем всё, чтобы привлечь к нам все здоровые аналитические силы, украшающие современный литературный процесс.

Кстати, о литературном процессе. В последние десятилетия в русской литературе сложилась довольно странная ситуация, при которой Москва – это столица Москвы. И большая часть литературных изданий занимается обслуживанием (скорее самообслуживанием) небольшой группы литераторов, прописанных внутри МКАДа. Добавит к ним ещё несколько имён из Петербурга и выехавших на ГИМЖ в Европу – и мы получим законченный премиальный список русскоязычных литераторов по последним 10-15 лет.

И как в жанровой политике журнал “День литературы” делает ставку на Большую русскую прозу, так и в своих географических предпочтениях остаётся верен Большой России и её многочисленным и удивительно талантливым писателям. Понимая под Большой Россией, разумеется, не временно утратую РФ, а всю историческую нашу Родину!

И последнее: чего не дождутся от журнала “День литературы”. Русская литература – это, помимо всего прочего, ещё и чувство достоинства. И точно так же, как ежемесячник “День литературы” никогда не участвовал в окопистельских драках, – журнал “День литературы” общается своим читателям заниматься русской литературой и только русской литературой, в той самой степени, в какой она неотделима от судьбы нашей Родины.

(начало на стр.1)

А вот уже над всем миром, в небесной вышине – Христос наше всё! И, в-третьих, не надо сравнивать самые лучшие стихи с заповедями Христовыми, вы их эти самым, – заповеди Божьи, – сильно понижаете. Оставим Богу – Богово, кесарю – кесарево, а поэту – поэзию. Не надо видеть в великой русской литературе – врага Божьего.

Почитайте статью Георгия Селина: "...Если пушкинская звезда непременно будет стоять над Россией, то придёт 2037 год, который во столько раз будет страшнее 1937 года, во сколько раз телевизор и интернет громче поют лживые песни об империи и свободе, чем пел их поэт Пушкин". Бессмысленная абракадабра – рассмеётесь вы... Но в авторском предисловии к сборнику всё тот же священник Селин пишет: "...о времён Ломоносова именно они стремились быть учителями народа, предлагая ему услуги по духовно-нравственному окормлению и воспитанию. Веками жил русский человек, как учила его Святая Церковь, но вот возникает художественная литература – и через двести лет Христос низвергается, а на Его место поставляется новая учительница жизни – светская литература, и вместо Евангелия и творений святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста издаются миллиардными тиражами сочинения Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Есенина и др. Так чего мы хотим? Какого духовного мира? Какого Христа в душе? Неужели это не очевидно, что до тех пор, пока Пушкин и Достоевский будут пророками России, до тех пор Ленин и Сталин будут её апостолами?... Литературно-художественная классика вновь и вновь рождает смятение в умах читающих её. Разбавляющее влияние этой литературы на общество не прекращалось и не прекратится, оно перманентно, как перманентна революция, оставленная без покаяния и осознания грехов, приведших к ней".

Хорошо, что на это наступление фарисеев на нашу литературу обратила внимание “Литературная Россия”, опубликовав яркие статьи Андрея Тимофеева и Вячеслава Лютото, но что же остальные отмалчиваются?

Как отрицательный пример, церковные фарисеи приводят икону известного иконописца архимандрита Зинона.

Но ведь Александр Пушкин на ней изображён не святым, а всего лишь собеседником своего современника святого Филарета Московского. В своём отзыве на эту икону православный русский писатель Александр Сегень пишет, что “Александр Сергеевич фигурирует на ней не в качестве святого, но в пропорциях, равных святому Филарету Московскому”. Что так оскорбило наших фарисеев? Два великих современника, знакомых друг с другом, беседуют о русском Слове. Всё тот же Селин видит оскорбление в лилии, помещённой на ико-

К повести Михаила Тарковского “Фарт”

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*
Фёдор Иванович Тютчев

Каждым из людей творческих эти провидческие слова Тютчева переживаются и переосмысливаются по-своему – иногда болезненно-остро (как пример – Гоголь, уничтоживший “Мёртвые души”), иногда смиренно-покорно, когда трактовка “понимающих” и “внимающих” более щадяща к автору.

Но... ответственность за “как слово наше отзовется” должна быть обоюдной. Внимающий этому слову тоже должен отвечать за отсутствие *благодати и сочувствия* в понимании его. А вот об этом предупреждении Тютчева расслабленно забывают практически все. И сам творец, в отчаянии самобичевания поспыпавший голову пеплом, и внешнеючий ему потребитель сотворённого.

Попробую на абсолютном конкретном примере анализа повести Михаила Тарковского “Фарт” (*журнал-приложение “День литературы”, №2 – 2017*) поговорить сейчас именно об этом, ни в коем случае не претендуя на истину в последней инстанции, но обладая достаточным количеством материала для анализа. Использованные мною отзывы присланы в редакцию читателями и критиками, прикоснувшимися к слову автора “Фарта” – Михаила Тарковского.

Начнём с того, что определённое количество *внимавших* нашли для себя наименьшим настоятельно посоветовать продлить, крупнее разработать линию некоего, по их мнению, обижённого автором, обделённого его вниманием персонажа, – Ежа.

Что за существо такое, линию которого так жаждет расширить и углубить (совсем по-горбачёвски) именно эта категория *внимавших* “Фарту”?

Вот лишь одна из авторских характеристик сего персонажа:

“Серёжа Шехалин был знаменитый, с гусарскими повадками парень. Когда просили его описать, отвечали: “Помните казака с картины Сурикова “Покорение Сибири Ермаком”? Там один с веслом. А другой, второй с кормы – с ружьём, который: вот это он! Не помните – обязательно посмотрите”.

Сходство было удивительное: совпало именно стремительно-грозное выражение лица, летящий покат лба и свирепые белки. Только Сергей был полноплотней, поухомженней, посинеглазей. И нос имел, что называется орлиный, а усы поменьше и позолотистей. Со школы был необыкновенно взрослый, крепкий, брился и курил класса с восьмого, а в студенчестве был короткоше с мужиками-преподавателями”.

Далее автор (в лице писателя Баскакова) ярко описывает “чуждачества” Сергея-Ежика:

“Будучи конноводом, потащил как-то всех в пивную. ...Пивнушка закрывалась, и ребятам пришлось взять пива с запасом. Запас оказался столь основательным, что, несмотря на приказ Ежа допивать, пиво стало столбом в пищеводах. Добыли где-то прозрачных пакетов и по-хозяйски залили остатки. ...Долго ловили машину – компанию с янтарными пакетами никто не брал. Пузатые подушки подтекали с углов. ...Наконец он ухитрился остановить скорую помощь, компания в неё взгромоздилась и помчалась под крики Ежа: “Шеф, включай сирену, гони на красный!”

И тут же, пытаясь быть объективным, что автору (и Баскакову как главному персонажу) удаётся иногда даже сверх меры – закапываясь с головой в утончённый психологический анализ:

“Но, пожалуй, главный его талант заключался в сочетании двух умений: бескорыстно сиять идеей науки и, чувствуя

ПОЛЕМИКА

людей, оказываться рядом в нужный момент. Всем казалось, будто за ним кто-то всегда стоит, так умел он обобщить своим видом дух любого из кругов – чиновники думали, что за ним наука и иностранные деньги, наука – что иностранцы деньги и чиновники. ...При всей любви жить на широкую ногу он стоял на принципах братства за идею и свои успехи делил на друзей: кураж и товарищество были его главные опоры. Очень поддерживал Баскакова, когда тот жил впроголодь, и издал его первый сборник рассказов...”

“И нам сочувствие дается...”

Но далее парадоксальное наблюдение (уже только Баскакова) о том, что “чем больше печатаются и утверждаются в опорах и внешних и внутренних, тем сильнее рушится Серёжа. Он уже поменял с десятков работ, с которых всё чаще вылетает, потому что или пьёт или пребывает в таком звеняще-придирчивом и гневно раздражении, что от него стараются избавиться. Питьё совмещается с

Единство противоположностей?

ночным рытвём в новостях и отслеживанием моих выступлений и интервью, где Еж наполняется бесконечным несогласием и осуждением, которые выплескивает при встрече.

Начинается спор, тяжкий ещё и тем, что Еж ничего на свете уже не любит, кроме “несколько людей” и общей идеи “организованности”. Когда его спрашивают, что он сам предлагает сделать сегодня в России, отвечает, что каждый должен заниматься “своим делом”, что не его обязанность что-либо предлагать, что не берёт на себя такую ответственность в отличие от “некоторых”, и, вывернувшись на поле нападения, разворачивает атаку.

Говорит дежурные три вещи: что в “нормальных странах” всё по-другому, что хватил нам идей – пусть каждый “на своём месте хорошо дело делает”, и что здесь ни при какой идеологии ничего *путиного* не выйдет.

И так далее и тому подобное...

И почти как апофеоз – о русском народе в вечно нетрезвой голове постепенно становящимся уже бывшим другом угнездилось такое: “...дерьмо народ, завистливый, ленивый, тупой. Ни мне, ни соседу. Лишь бы дальше носа не видеть... Духовность, б..! В Приморье батёк церковь строит – китайцев нанимает! Ваши-то православные же?”

Вот такая, почти чаадаевская “правда” исповедуется Ежом, выстроившим для себя жизненным идеалом “ранчо в Мон-тане. До чего там прекрасно всё организовано. Тебе бы *просто* понравилось! Просто. Ты не представляешь, сколько там ручного труда! И всего натурально. Традиционного. И как они берегут это. ...Казак твой, Михайлов, рассказы-

вал, как их в Швейцарии принимали. В горах. Какие там деревни, музеи, спевки-гармошки! Прекрасно живут именно тем традиционным, за которое вы ругаете, – и снова отстранённо, как мухом проложит: – Не-е-е. Ни-че-го не будет... – И следующее бревно наваливается: – Это у вас тут не могут порядок навести. Элементарные вещи. На Урале человек сделал музей, а орава дармоедов из управления культуры его в такой угол загнала, что он кони двинул. Игорянешня, дорогой. Ник-ко-му ни-че-го не надо. Одни бабки на уме. Бабки и халыва”.

“Пытаешься возразить, что в *тебе* дело всегда! Не в том, какой народ, а в том, что *ты* для него сделал. И что на тонущем судне можно сколько угодно в гармошки играть”, – мягко, интеллигентно (верующие!) защищается, направляет Ежа Баскаков-автор, но...

Даже не то что безрезультатно, а с обратным эффектом завистливый капризности получает отпор. Его принципиально не слышат! И он начинает вдруг невольно замечать, как сильно польсёл Еж, “и сейчас напоминает уже не орла-беркута, а стервятника или сипа: худая костлявая голова с орлиным носом, и особенно страшный, меловой с похмелья вид – трупно-синие мешки под глазами и в самих глазах сумрак... Могильный сумрак... Не могу... Не могу... Серёжа, прости...”

И смотрит Баскаков в эти мёртвые глаза и мучается, мается – без вины виноватый: “Прости меня, братка, прости! Ну как? Ну как мне тебя спасти!? Было б на войне – на руках вынес бы! Иль полегли бы оба! А сейчас – как помочь? Если ты даже сам себе помочь не хочешь! Сколько уж всего переговорено. Ну как? Как?! Да что же за горе-то!”

И смотрит в эти глаза и погибает, каменеет, молчит, и всё больше и больше в этом молчании лжи и предательства. А в глазах Ежа чёрным по белому: “Пристрели меня! Или без войны тащи...”

Вот так – “без войны тащи...”. В этом весь Еж: “Тащи...”

Тащить, “идти на духовную жертву” – как определил это состояние души Баскакова отец Лев?

Товарищи *понимающие* и *внемлющие* (и оттого жаждущие длить и длить – разрабатывать эту линию Ежа), ну хоть капля спартанского духа жива в вас? – Вспомните один из самых жестоких законов Спарты. Вы хоты бы краем воображения представляете, сколько сил бездарно нужно убить, ухлопать и автору, который – по вашему настоятельному совету! – возжелает углубить и расширить своё знание и понимание этого “блистательного” персонажа, да и его героя Баскакову? Верит ли даже он в воскрешение, возврат своего бывшего друга из животноподобия хоты бы не к человеку, а лишь к человекоподобию? Ведь друг бывший до такой степени изменился за последние годы, что внешне да и внутренне стал напоминать крайнюю степень опустившегося бомжа: беспробудные пьяньки (блага, денежки какие-то накопленные ещё не все пропили), грязь внешняя, развалявшаяся в нём до патологической боязни воды – мытья, мытья в бане, в ванне; и грязь внутренняя: “Пошёл ты из моей жизни навсегда со своими попами, и моралью, и Россией...”

Ладно, пусть будет так: ну верит читатель, *понимающий и внемлющий*, – в это воскрешение, оттого и просит развить линию... Тогда ещё один вопрос: само это животноподобное существо способно ли совершить сей подвиг восхождения? Скорее всего, здесь многие из уверовавших поскребут в затылке: вряд ли способно.

А если не оно само себя, то *кто* будет тащить его из этого мерзкого болота, в которое оно вляпалось? Кто?! При усло-

вии, что само-то оно и не собирается оттуда выползть, сладострастно булькая в нём и разлагаясь. Не согласны?! – Ну, это ваше право. Но ведь вы читаете Михаила Тарковского, а он-то, как *родитель* данного субъекта, лучше вас знает и понимает бесперспективность возни с такими, с позволения сказать, Ежа-

Валентина ЕРОФЕЕВА

ми. Хотя и здесь он в своём стиле: “Еж это как наша совесть... Всем охота быть чистенькими и безгрешными. А здесь человек, которому ты обязан по гроб жизни, а она (эта жизнь) так придумана, что помочь ему нужно – кровь из носа, а кишка тонка. И всё нутро противится и возмущается. И себя презирать начинаешь. И придумываешь, что если человек сам себя спасти не хочет, то никакая помощь не спасёт. В глубине души знаешь, что всё равно помочь можно. Добрым словом, вниманием, смирением”.

И после долгих-долгих размышлений по этому поводу единственно верный (на мой взгляд) вывод Баскакова: “Как я могу ему помочь? Только молитвой?”.

Вот так-то... Не сможет “из болота тащить бегемота” против его воли столь совестливый и благодарно помнящий добро главный персонаж “Фарта” писатель Баскаков. Думаю, что и сам автор именно поэтому не пожелал здесь разработки этого тупикового (минимум, для него самого) пути в своей повести. Пути, не ведущего – к свету.

Разве вы ещё не поняли, что не может Тарковский-прозаик выписывать ни сатиру на окружающую его действительность, ни анализировать тупиковые пути в ней. Минимум в этой повести – не хочет и не может. Не ставит перед собой этой задачи. Ведь вы читаете именно “Фарт”, а не что-то иное. И именно Тарковского, а не кого-то иного. Так откуда такие непонимающе-поучающие интонации в голосе “внемлющих” – разработать линию Ежа?

В своём “Фарте” Тарковский об ином хотел с вами поговорить. Иное хотел донести до вас. Поэтому, стрихмикам обозначив тупиковый, болотный путь человека вообще, и Ежа в частности, попытался вывести остальных, не вляпавшихся в это болото, к свету. И, как ни странно, вывел. Расписал этот путь во всех деталях и спотыканиях (но не провальных, как у сгинувшего Ежа), и – вывел.

А вы, “внемлющие”, *слона-то* и не заметили... Только ежа...

Нет, один из *внимавших* (но это уже другого сорта внимавшие) вот как умудрился истолковать этот путь. Позволю себе процитировать, не называя фамилии “критика”:

“А как сидится-то хорошо после душевной бури да после исповеди за то, что они у отца Льва среди гостей монастыря, где “врудиш в сметане, в блюдице драгоценный, будто гипсовый твороз с сеточкой от марли, прозрачная красная икра”, рядом с “молодой состоятельной парой из Томска”, помогающей монастырю, с бледным и значительным Леонидом и Наташей откуда-то из Ростовской области. В общем, все свои, избранные. Отец Лев, хозяин застолья, просит “классика” подарить книгу, а Баскакову это как мёд на сердце – “классик” и книжку подпсал. Хорошо, внимание всех на тебя...”

Да, хорошо, но здесь внимание всех отнято “критиком”, скорее, именно на себя любимого, на свою ярость неприязни, на свою хлещущую через край сатиру, уничтожающую на корню и главно-

го персонажа повести писателя Баскакова, и его более всех потерпевшую и пострадавшую на *пути* к свету жену. И священника – отца Льва, обвиняемого в “страшном грехе” – цитирую: *“... Отец Лев, сейчас в трапезной шлоклад выдвигали, всем не хватило. Что, ещё взять? – спросил вошедший монах...”*

– Возьмите, – коротко распорядился хозяин.

“Многа-а-я-я пета-а-а...” – раздалось за дверью”.

У *внемлющего* “Фарту” критика Баскаков – не кто иной, как чистойпой, самовлюблённый “классик”, заглянувший гость-казачина – попросту “ряженный”, отец Лев – тут ещё проще – никчёмный, жадный поппик.

И так далее и тому подобное... В общем, всем достаётся – без исключения. А больше всех – самому автору. *“Правда у Тарковского, через себя пропущенная, в самое сердце бьёт, мучает и спокойно жить не даёт. Верно, и сам писатель мучается. А как по-другому? Жить-то как? А вот так, от стыда к покою и снова, и снова”.*

Всё правильно, всё чудно во восприимчивости и поняли в повести Тарковского, дорогой “критик”. Но... вы ведь сами верно заметили: *“Жить-то как? А вот так, от стыда к покою и снова, и снова”.* Именно этими нравственными, библийскими, в сущности, категориями вооружён Михаил Тарковский более чем какими-то иными. Стыд и покой; совесть и душа – тесно переплетены и взаимосвязаны у автора: чистая совесть дарит светлый покой душе.

Не яростью, переходящей в очернение всех и вся, не поисками виноватых, не злостью к миру сему болел как сам автор, так и почти двойниковый персонаж его писатель Баскаков. Не-эт! Поисками того самого высшего, гармонизирующего начала в себе переполнены практически все “действующие лица” повести (кроме, быть может, некоего Леонида Шкардаса – блестящего шаржа Тарковского на определённого вида явления русской жизни).

И странные, дикие для вас слова скажу я сейчас, дорогой “критик”: спрямляет их витиеватый путь в поисках истины не кто иной, как священник – отец Лев. Вот так-то! Перечитайте внимательно повесть. А ярость, киплящую в вас, отложите в сторону куда-нибудь, хоты бы на время перепрочтения. Иначе получится медвежья услуга столь любимому вами автору: “лучше умный враг, чем глупый друг” – гласит народная мудрость.

Очень аккуратен и осторожен Тарковский и в том, чтобы донести до читателя именно этот аспект своей прозы – поиски высшего, гармонизирующего начала в человеке как творении Божьем. Здесь не бич хлесткий в руках автора, не молнии яростные мечет он во врагов. Потому что враги эти – не враги внешние, а внутри каждого из нас сидят, и пища постоянно требуют от нас, всё жирнее и жирнее, всё слаще и слаще. И ежели мы позволим им гипертрофированно раздуться до размеров, пожравших Ежа, то они и нас превратят в такие же болотные сероводородные отходы.

Вот за это предостережение Тарковского – тщательно, ступень за ступенью, не насильственно, а уважительно и доверительно выписанное – мы и должны быть благодарны ему.

А ярость в собственных трактовках и неуместные советы длить и разрабатывать некие линии в повести, якобы, для её более убойного звучания, давайте оставим за бортом. Пусть Слово, сказанное Тарковским, словом Тарковского в нас же и отзовется. А никак не нашим толкованием его, искривлённым – в меру нашей всеобщей и частной, личностной испорченности.

На доверие нужно отвечать доверием. На благо раскрытие – раскрытием внемлющим и от того таким же благим.

Красное знамя над Россией – неизбежно. Взяли рейхстаг – и здесь справимся...”

Здесь уже, как и в отношении к Сталину, призыв к коммунизму – не есть призыв к возвращению брежневского уютного застоя, такого и быть не может. Это призыв к справедливости и реальному возрождению, без олигархов и коррупционеров. К тому же в разных формах и призывает современная русская литература.

Вспомним поэму гениального Александра Блока “Двенадцать”. Убежден, что это самая уникальная поэма на русском языке. Когда-то русский критик князь Святополк-Мирский сказал: “Если бы был передо мной выбор – оставить ли в вечности всю русскую литературу или только эту поэму, – я бы, по крайней мере, серьёзно задумался”. Показана в поэме революция во всех её проявлениях, и дурных и героических, жизнь улицы, выведены самые разные народные типы, в том числе и поэт (недаром Блок так не любит наша церковь):

*А вон и долготолпой –
Сторонкой – и за сугроб...
Что ныне невеселый,
Товарищ поэт?
Помнишь, как бывало
Брюхом шёл вперёд,
И крестом сыяло
Брюхо на народ?*

Хотя назвать эту поэму антихристианской я не осмелюсь, скорее наоборот. Что и доказывает гениальная концовка поэмы:

*Так идут державным шагом –
Позади – голодный пёс,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
Из пути невердим,
Нежной постыпью надвьюжной,
Снежной россыпью межвьюжной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.*

И смысл революции сразу же меняется. При всех её издержках, репрессиях и провалах, старый мир ушёл, и наступает новый мир, и впереди – Христос! К тому же он ругал нашего русского гения за такую концовку – и справа, и слева, – какие только инсинуации не подумывали за поэта. К примеру, Андрей Вознесенский предположил читать, что это красноармейцы конвоируют Христа...

А сам Александр Блок в ответ на все претензии сказал: “Я сам понимаю, что там должен быть не Христос. Я вижу Христа, ничего не подделаешь...” Это и есть тот высший замысел, который даётся свыше, та Идея, которая делает русскую литературу великой. Это всё равно, если человека, а то и всю страну – лишить души, что и было сделано во время перестройки. Вот и остаётся высшей целью современной русской литературы – обрести русскую Душу и дать народу русское Слово.

Русское слово

Владимир
БОНДАРЕНКО

щенческой иконописной трактовкой всех наших святых.

Из всей иконописи убрали святого Христофора Псеглавца, хотя он таким был в иконописи изначально. Лишь наши древлеправославные стареры сохранили в своих храмах пёсий лик знаменитого христианского мученика, незаслуженно позабытого синодальной церковью вместе с множеством древних обычаев, правил и порядков.

Данная икона вошла в иллюстрированную энциклопедию “Древности и духовные святыни старообрядчества” как одна из жемчужин Рогожской ризницы. А вот иным фрескам с изображением святого мученика Христофора в синодальных храмах не повезло, их просто замазывали. Так же как нынешние неистовые мусульмане взрывают древние статуи Будды в Афганистане.

Я заметил, у нынешних церковных фарисеев вообще тяга к изъятию всего животного мира из иконописи. Обратите внимание, наши самые любимые православные святыне Петр и Февронья Муромские, символ любви и крепкой семьи, тоже на современных иконах изображаются без неизбежного для них зайца. Лишь на старых иконах мы видим этого верно-помощника Февроньи в её лечении страждущих.

Вот так и с русской литературой, вдруг помешавшей нашим церковникам. Я сам – православный русский человек, но мой вера в Бога не мешают ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Шолохов, ни даже Иосиф Бродский.

Вряд ли, запретив читать художественные книги, тем самым церковные начетчики и фарисеи повернут взоры людей в Евангелию и к житиям святых отцов. И впрямь, “зачем нам тратить драгоценное время на чтение художественных вымыслов, которые, если характеризовать их прямо, должны называться не просто пустыми, но душевредными фантазиями”.

Эта спущенная откуда-то ересь о вреде русской классики, боюсь, чудовищным образом может отразиться на интересе к самому Православию у нашей молодежи. То ли провокация, то ли глупость? Совсем ненужное соперничество.

А тем временем в самой современной лите-

ратуре надо поднимать значимость замысла, надо стремиться соединять её с вечностью. Прочитал в “Завтра” великолепную духоподъемную беседу двух своих старых товарищей, Александра Проханова и Александра Дугина, вся их беседа и была направлена на очищение Слова, на возвышение его. “Христос – это вечный Бог, который стал человеком. В нём время и вечность пересекаются. Для нас, христиан, вечность вполне конкретна – это

Христос, это Бог. И Он пришел вовремя. Он пришел в человечество. Соответственно, Церковь и есть некое развёртывание послания вечности. Это вечная Церковь, которая живёт сквозь земную Церковь” – заявил Дугин. Его продолжил Проханов: “Вечность – это всегда новое. Любое соприкосновение с вечностью порождает ощущение абсолютного творческого импульса. То есть будущее не просто существует в вечности. Вечность дала на нас для того, чтобы мы это будущее создали. Вечность живёт нами, она не отдельна от нас”.

Потому Россия и является до сих пор душой мира, что она еще не потеряла надежды на русское Слово. Не хочет ограничиваться бытовыми земными пределами естества. Очень верно Александр Дугин сказал: “Сегодня мы окружены, находимся в оккупации у низкопробной литературы. Русскую речь пытаются заполнить словесным сором и иноземной шелухой. При потворстве власти чужой дух лопится в наши школы и храмы, обволакивает дурманом наши святыни, проникает в души и сердца детей. Интеллектуальное осуждение и гуманитарная катастрофа нации – не пустые слова, – беда стоит на пороге”.

И почитать бы нашим министрам, авторам сплошь провальных реформ, “нистового Виссариона”, который чёрным по белому писал: “Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, – значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус”...

Испокон веков русское слово помогало осуществлять уникальные творческие замыслы, воплощалось в нетленных творениях гениев отечественной поэзии и прозы”.

Во имя этого русского слова нам и надо объединять все творческие силы, во имя русского слова, направленного на истинную веру. Не надо заталкивать поэтов и писателей в узкие группировки, пусть пишут по своему разумению, но при всех авангардных и традиционных формах они должны объединяться этой самой истинной верой.

Появились за последнее время с разных сторон сильнейшие произведения нового поколения писателей: в Петрозаводске Дмитрий Новиков со своим романом “Голомяное пламя”, в Перми Алексей Иванов с мощным поли-

фоническим “Тоболом”, на Донбассе Захар Прилепин с уникальной книгой “Взвод”, посвящённой великим русским писателям, прошедшим через офицерство и войны, в Москве Сергей Шаргунов с потрясающей многих книгой “1993”... У каждого свой путь, но надеюсь, приходит и понимание, что в одиночку, без объединяющей идейной основы наше общество не объединить.

Как писал тот же Захар Прилепин: “Изменения, которые случились в последние три десятилетия с народами России, и в первую очередь с русским народом, – удивительны. Народ оказался сильнее и умнее пропаганды. За эти годы страна получила в нагрузку тонны и тонны печатной продукции, посвящённой созданию “чёрного мифа” вокруг СССР и социализма”.

На телевидении властвовал коллективный Сванидзе, эфирное время оккупировали бесконечные антисоветские сериалы, которые, надо сказать, снимают и по сей день.

Быть антисоветчиком во все эти годы означало быть модным, перспективным, милым власти. ...Больше половины россиян, согласно официальной статистике, желают переориентировать эпохи “перестройки” и “ельцинских реформ”. И уж точно не хотят жить в той же системе, со всеми очевидными её издержками – как минимум в виде социального неравенства и явной зависимости от мировых финансовых институтов; как максимум – в обществе, построенном на принципах стяжательства и конформизма.

Так почему же мы до сих пор пребываем в обществе, которое не отвечает чаяниям большинства? ...